ЦЕХОВИК

ТОМ 1

ПАВЕЛ СМОЛИН

Павел Смолин

Цеховик. Том 1

«Автор»
2026

Смолин П.

Цеховик. Том 1 / П. Смолин — «Автор», 2026

В прошлой жизни я построил производство и умер, так и не выбравшись в отпуск. Теперь мне тридцать четыре, за окном 1985 год, а в кармане пропуск в советские мастерские.Здесь сломанную ручку от кастрюли заменяют деревянной катушкой, зато старый пресс месяцами стоит без дела. Я знаю, как превратить железо в деньги. Осталось найти покупателей, собрать людей и договориться с начальником, который интересуется своей долей.Вторую жизнь я собираюсь потратить иначе. Хочу кутить с красавицами в лучших московских ресторанах. Зарабатывать умею. Пора научиться жить.Главное, чтобы желающих распоряжаться моим заработком не оказалось больше, чем людей, готовых платить за мои изделия.

© Смолин П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Павел Смолин
Цеховик. Том 1

Глава 1

Я умер у ворот собственного цеха, собираясь в третий раз перенести отпуск. Стоял с телефоном в руке, смотрел на кнопку «Подтвердить изменение бронирования» и прикидывал, сколько дней понадобится, чтобы закончить срочный заказ. До моря опять было некогда. За спиной гудела вытяжка, мастер второй смены что-то спрашивал про заготовки. Я хотел ответить, но в груди сдавило так, что не хватило воздуха. Телефон выскользнул из пальцев. Потом я ударился коленями об асфальт и увидел совсем близко нижний край ворот, который давно собирался подкрасить. На этом всё кончилось.

Очнулся я от звона посуды.

Кто-то ставил чашку на блюдце, никак не попадая с первого раза. Потом закашлялся мужчина. Звук шёл слева, совсем рядом.

Я открыл глаза.

Белый потолок с трещиной возле лампы. Под лампой — длинная палата, четыре железные кровати, высокое окно с форточкой. У моей кровати стояла тумбочка, крашенная белой краской. На ней лежали газета и алюминиевая ложка.

Больница.

Я медленно вдохнул. В груди не болело. Ещё раз, глубже. Воздух свободно прошёл в лёгкие, и от облегчения я на несколько секунд закрыл глаза.

Значит, успели.

Дальше следовало узнать, куда меня привезли, и позвонить на производство. Эта мысль была настолько привычной, что я уже потянулся правой рукой к краю кровати, где мог лежать телефон.

Рука остановилась перед глазами.

Широкая ладонь, короткие ногти, старая мозоль у основания большого пальца. Под ногтем на указательном чернела полоска. Всё вполне знакомое для человека, который работал с железом. Кроме возраста.

Кожа была молодой.

Я перевернул ладонь. Потом левую.

Ни коричневого пятна, ни шрама от болгарки. Шрам появился у меня в сорок два года, когда я решил придержать профиль коленом вместо того, чтобы зажать в тиски. Следующие восемь лет он напоминал, что экономия времени иногда требует перевязки.

Теперь его не было.

Я приподнялся на локте. В затылке заныло, и я осторожно опустился обратно.

— Очухался? — спросили слева.

На соседней кровати сидел пожилой мужчина в полосатой пижаме. Правая рука висела у него на перевязи. Левой он держал чашку.

— Давно я здесь?

Голос тоже оказался другим. Ни утренней хрипоты, ни привычной тяжести. Я откашлялся, прислушиваясь к себе.

— Со вчерашнего. Ночью спал. Сестра приходила, ты с ней разговаривал.

Этого я не помнил.

— А где здесь мои вещи?

— Что было, убрали. Спроси, принесут.

Сосед поставил чашку. На блюдце лежал кусочек сахара.

Я посмотрел на окно. Снаружи виднелись тополя и угол кирпичного здания. На подоконнике стояла стеклянная банка с водой. За стеной простучали колёсики тележки.

Всё выглядело странно старым. Не запущенным — именно старым. Кровати, выключатель возле двери, халат женщины, мелькнувшей в коридоре.

Я взял газету с тумбочки.

«Вязовский рабочий».

Пальцы немного дрожали. Я придержал лист второй рукой и нашёл дату под названием.

«Вторник, 3 сентября 1985 года».

Перечитал.

Газета была свежей. Сгиб ещё не успел затереться, на серой бумаге чуть расплывалась типографская краска. Передовица, фотография людей возле станка, короткая заметка о подготовке школ к учебному году.

— Сегодня третье? — спросил я.

— Третье.

— Сентября?

Сосед посмотрел поверх чашки.

— А ты куда торопишься? До октября ещё полежать хочешь?

Я положил газету на одеяло.

Восемьдесят пятый.

Мне не было смысла спорить с напечатанной датой, но я всё равно поискал другое объяснение. Старая газета в старой больнице. Съёмки. Бред после приступа. Вещи, которые хотя бы можно произнести вслух.

Ни одно не объясняло рук.

Я сжал пальцы. Под кожей обозначились сухожилия, кисть без усилия легла в крепкий кулак. В груди по-прежнему было спокойно.

— Логинов, проснулись?

В дверях стояла медсестра с небольшим металлическим подносом.

Я повернулся к ней.

— Как голова?

— Побаливает.

— Тошнит?

— Нет.

Она поставила поднос, проверила повязку на затылке, попросила посмотреть на неё.

— Врач на обходе будет. Не вскакивайте пока.

— Скажите… Меня с работы привезли?

— Из мастерских. Крышка какая-то ударила. Не помните?

При слове «крышка» перед глазами возник верстак. Над ним — откинутая тяжёлая створка кожуха. Я наклоняюсь за ключом, замечаю выкрошившийся край упора и почему-то не отхожу.

Тут воспоминание обрывалось.

Но я-то стоял у ворот своего цеха.

Я вцепился в край одеяла.

— Понемногу вспоминается, — ответил я.

— Вот и не торопитесь. Вчера тоже всё на работу собирались.

Она ушла. Я остался смотреть на дверь.

Логинов.

Фамилия была чужой. И всё же, когда сестра её произнесла, я отозвался без раздумий.

Я попробовал вспомнить имя.

Виктор.

Сергеевич.

Это не было догадкой. Я знал так же уверенно, как номер домашнего телефона в прежней жизни. Только того телефона здесь, судя по всему, ещё не существовало.

* * *

Врач пришёл после завтрака.

Проверил глаза, задал несколько вопросов, попросил сесть, потом встать. Я слушался и держался за спинку кровати. Пол не качался. Ноги принадлежали тому же молодому человеку, что и руки: ступни сами встали устойчиво, поясница не потребовала платы за движение.

— Виктор Сергеевич, на что жалуетесь?

Я назвал боль в затылке. Рассказал, что не сразу вспомнил, как сюда попал. Про ворота и телефон говорить не стал.

Он уточнил ещё несколько вещей и велел остаться до следующего утра. Хотел понаблюдать.

Я согласился с готовностью, которая его, кажется, удивила.

Мне требовалось время.

Когда палата опустела, я добрался до умывальника в конце коридора. Над ним висело узкое зеркало с тёмными пятнами по краям.

Из зеркала смотрел незнакомый мужчина лет тридцати с небольшим. Короткие тёмные волосы, щетина, прямой нос. Ни отёков под глазами, ни тяжёлой нижней челюсти, которую я нажил за годы сидячих совещаний и ужинов после полуночи.

Я тронул щёку.

Мужчина в зеркале сделал то же самое.

Долго стоял, держась за край раковины. Потом умылся холодной водой и вернулся в палату.

Весь день я занимался тем, что учился вспоминать.

Собственную прежнюю жизнь помнил хорошо. Производство, людей, долги заказчиков, ремонт кровли. Квартиру, где меня неделями ждали только продукты в холодильнике. Море, до которого так и не доехал.

С жизнью Логинова выходило иначе. Старался вытянуть из памяти хоть что-нибудь — и ничего не получал. Зато стоило перестать давить, как возникали отдельные подробности.

Услышал за окном автобус и понял, что возле моего дома остановки нет, от перекрёстка надо пройти два квартала. Посмотрел на больничную кашу — вспомнил кухню с клеёнкой в цветочек. К вечеру знал, в каком доме живу и где на лестнице расшатаны перила.

И не понимал, откуда знаю.

Несколько раз накатывал страх. Я лежал на кровати и смотрел на собственные руки, пока не становилось легче. Сосед пытался завести разговор о футболе. Я отвечал невпопад, потом сослался на голову. Он больше не приставал.

Вечером снова взял газету.

Третье сентября тысяча девятьсот восемьдесят пятого года.

В детстве я застал этот мир. Теперь рассматривал его как место, в котором предстояло жить. Где получать деньги, что говорить знакомым, как открыть дверь квартиры. Одна задача была понятнее другой, и за них можно было держаться.

Завтра меня собирались выписать.

Для начала следовало попасть домой.

* * *

Утром врач осмотрел меня ещё раз, спросил о самочувствии и разрешил собираться.

Медсестра сменила повязку на небольшой пластырь. Из приёмного отделения принесли брюки, рубашку, ботинки и куртку. Одежда оказалась впору. В боковом кармане лежали ключи, мелочь и сложенная трёшка. Во внутреннем — пропуск.

«Логинов Виктор Сергеевич».

Под фамилией значилось: «Инструментальщик». На фотографии я был моложе, без щетины и с таким недовольным лицом, будто фотограф оторвал меня от обеда.

Мастерские. Государственное предприятие. Чужие ворота, чужое оборудование, начальник, к которому надо идти, если нужна новая фреза.

Мне придётся привыкнуть и к этому.

Получая документы, я прочитал адрес. Улица, номер дома, квартира. Адрес совпал с тем, что вспомнился вчера. Я всё равно переписал его на свободном краю бумажки.

Врач задержал меня у двери.

— Сегодня отдыхаете. На работу с завтрашнего дня. Если голова заболит сильнее или ещё что-то появится — сразу к нам. И пока без тяжестей.

— Понял.

— Все понимают. Потом кран вместе со слесарями поднимают.

Я застегнул куртку и пообещал обойтись без крана.

В больничном вестибюле пришлось подождать: санитарка мыла перед выходом пол. Я стоял возле стены, держал свои бумаги и смотрел, как по линолеуму двигается мокрая тряпка.

Ещё вчера выход из больницы казался мне спасением. Теперь за дверью начиналась жизнь, про которую я почти ничего не знал.

— Проходите, — сказала санитарка. — Только по сухому.

Я вышел.

* * *

На улице пахло мокрой листвой и дымом.

После палаты свет казался слишком ярким. Я постоял на крыльце, пока глаза привыкли, убрал документы во внутренний карман. Вдоль больничной ограды тянулась асфальтовая дорожка. За воротами двое мужчин курили возле голубого «Москвича».

До дома, если верить обрывкам памяти, было минут двадцать пешком. Можно было дождаться автобуса, но мне хотелось посмотреть город. Я пошёл не спеша, держась теневой стороны улицы.

На первом перекрёстке остановился.

Справа стоял магазин с вывеской «Хлеб». Возле стены женщина укладывала батоны в сетку. Дальше виднелась почта, у входа — два телефонных автомата. Налево уходила улица с тополями.

Мне надо было налево.

Я ещё раз достал бумажку с адресом. Название на угловом доме совпадало.

По дороге считал приметы. Аптека. Мастерская по ремонту обуви. Парикмахерская на первом этаже. Киоск, возле которого мальчишка в школьной форме уговаривал продавщицу пустить его без очереди: он, в отличие от взрослых, опаздывал по уважительной причине.

Здесь почти не было машин. Две «Волги» у конторы, грузовик с высокими бортами, мотоцикл с коляской. Зато на тротуарах было людно. Женщины с авоськами, старик с двумя пустыми бутылками, рабочие в одинаковых серых куртках.

Люди шли по своим делам. Ни у кого в руке не светился экран.

Я сам уже трижды проверил пустой карман.

У газетного киоска остановился ещё раз. За стеклом висел тот же номер «Вязовского рабочего». Рядом лежали центральные газеты с тем же годом. Я посмотрел на них и пошёл дальше.

Больничной ошибкой это уже не объяснялось.

Возле универсама захотелось есть. Я вспомнил, что не знаю содержимого собственного холодильника, и зашёл внутрь.

Сначала встал не в ту очередь. Потом разобрался, где платят за хлеб. Купил батон, пакет молока и два яблока. Монеты рассматривал старательнее, чем следовало, но кассирша только поторопила. Ей было всё равно, из какого года пришёл покупатель, если он задерживал очередь.

Мелочь я убрал отдельно. Покупки завернул в выданную бумагу и понёс под мышкой.

За магазином начались жилые дома.

Мой оказался кирпичной пятиэтажкой. Во дворе сушили бельё, под окнами росли бархатцы. На скамейке две женщины перебирали фасоль. Одна подняла голову, посмотрела на меня.

— Витя, уже отпустили?

Я остановился.

— Отпустили.

— А говорили, совсем плохо.

— Пока хорошо.

Она покачала головой, как человек, которому испортили обстоятельный рассказ, и вернулась к фасоли.

В подъезде пахло кошками и варёной картошкой. На втором этаже не горела лампочка. На третьем я замедлил шаг, не глядя на номера: уже узнал дверь.

Из трёх ключей сразу выбрал нужный.

Только когда замок щёлкнул, понял, как сильно боялся ошибиться.

* * *

Квартира встретила тишиной.

Я закрыл дверь, положил покупки на тумбочку и постоял, слушая. В соседней квартире работало радио. Сверху двигали стул. Где-то во дворе женщина звала Славика домой.

Две комнаты, небольшая кухня, ванная. В прихожей — зеркало и вешалка. На крючке висела ещё одна мужская куртка, женских вещей не было.

Я снял ботинки и прошёл по квартире.

Книги, чёрно-белый телевизор, разложенный диван. На подлокотнике — рубашка. Возле окна письменный стол, в ящике которого нашёлся паспорт.

С фотографией всё было в порядке: тот же человек, которого я видел в больничном зеркале. Возраст — тридцать четыре. Место жительства — Вязовск. Штамп о расторгнутом браке.

Я сел на край дивана.

Пятьдесят лет сменились тридцатью четырьмя. У меня больше не было предприятия, за которое я привык отвечать с утра до ночи. Не было моих людей, моих денег и всей жизни, которую я считал единственно возможной.

А я сидел на диване, держал паспорт и дышал.

В груди ничего не давило.

Некоторое время мне хватало этого.

Потом заурчало в животе. Я встал и отнёс покупки на кухню.

На столе стояли две чашки. В одной засох чай, в другой лежали гайки. Под сахарницей торчал край клетчатого листка. В холодильнике нашлись яйца и кастрюля с супом.

Я поднял крышку за деревянную катушку, прикрученную вместо ручки.

Покрутил её в пальцах. Сделано грубо, но держалось.

Запах из кастрюли заставил меня немедленно вернуть крышку на место.

Суп я вылил, посуду вымыл. Пожарил яйца, отрезал хлеб. Ел медленно, поглядывая на незнакомую кухню. Ложки нашлись в первом ящике, соль — на полке справа. Руки знали, куда тянуться. Голова пока только привыкала.

После еды вытащил листок из-под сахарницы.

На рисунке высокий мужчина стоял рядом с маленькой девочкой возле колеса обозрения. Кабинки были раскрашены разными карандашами. Внизу написано неровным детским почерком:

«Папа, в воскресенье в 11. Я буду готовая. Оксана».

Под рисунком другой рукой добавлено:

«Витя, если не придёшь, позвони заранее. И.»

Я провёл пальцем по краю бумаги.

Оксана.

Вспомнились влажные волосы после купания, маленькое ухо, упрямо сжатые губы. Девочка сидела на корточках над муравейником, не желая уходить. Потом возник женский голос: «Ты хотя бы при ней не обещай».

Ирина. Бывшая жена. Дочери девять лет.

Воскресенье было до больницы.

Память не подсказала ни прогулки, ни колеса обозрения. Зато подсказала, как я собирался позвонить вечером и не позвонил.

На столе лежал мой первый долг в этой жизни.

* * *

После обеда я немного поспал. Проснулся от звонка в соседней квартире и сразу вспомнил про рисунок.

Телефона у Логинова не было. Я проверил обе комнаты, хотя уже знал это. Пришлось снова обуваться.

До почты дошёл за пять минут. В одном автомате не было трубки. Возле второго я подождал женщину с хозяйственной сумкой.

Номер Ирины вспомнился, когда пальцы легли на диск. Я набрал медленно, следя, чтобы не ошибиться.

— Да?

— Ира, это я.

— Что случилось?

— Я про воскресенье хотел поговорить. Не пришёл. И не позвонил.

В трубке помолчали.

— Это я заметила, Витя.

— Оксана дома?

— У подруги. Уроки делают.

Я смотрел на чёрный провод, выходивший из трубки. Объяснять чужой женщине, что я другой человек, было бы проще, чем отвечать за прежнего. И совершенно бесполезно.

— Могу в субботу прийти. К двенадцати. Прогуляемся, если ты не против.

— Ты точно можешь?

— Да.

— Тогда приходи. Через меня пока ничего ей не обещай. Увидит — сама обрадуется.

— Хорошо.

— На школьное деньги передал? Я с прошлой недели спрашиваю.

Я не знал. И решил, что в этом случае лучше не угадывать.

— Дома посмотрю записи. Если нет, принесу.

— Как можно не помнить?

— Головой приложился на работе. В больнице лежал. Сегодня отпустили.

— Сильно?

Она спросила уже другим голосом.

— Хожу сам. Врач сказал отдыхать.

— Так отдыхай. И суп выброси, если ещё не догадался.

Я невольно улыбнулся.

— Уже.

— В субботу к двенадцати, Витя. Если не сможешь — заранее.

— Приду.

Положив трубку, я ещё немного постоял в будке.

На улице продавали цветы. Девушка в светлом плаще выбирала букет, наклонив голову к ведру с астрами. Я проводил взглядом её шею, тонкую талию. Девушка обернулась и чуть улыбнулась.

Я улыбнулся в ответ.

Тридцать четыре года. Можно было выйти из больницы, поесть, договориться о встрече с дочерью, заметить красивую женщину. День ещё не закончился, а я уже успел сделать для себя больше, чем за многие недели прежней жизни.

Домой вернулся без всяких заходов по делам.

Вечером разобрал бумаги, повесил рубашку на спинку стула и приготовил пропуск. Мастерские начинали в восемь. Дорога до них вспоминалась уже довольно ясно.

Прежде чем лечь, положил рисунок на стол, чтобы утром увидеть его первым.

В субботу. К двенадцати.

* * *

На работу я пошёл в четверг.

Утро было прохладным. Вязовск уже не казался совсем чужим: я узнавал перекрёстки, заранее сворачивал куда нужно. У проходной остановился и достал пропуск.

За воротами лязгнул металл. Из открытого пролёта потянуло нагретым маслом.

Вахтёр посмотрел на меня, потом на пластырь.

— Дошёл всё-таки.

— Как видите.

— Геннадий Петрович спрашивал. Зайди к нему.

Я кивнул и прошёл внутрь.

В раздевалке нашёл шкафчик с нацарапанным на дверце словом «ВИТЯ». Ключ подошёл. Внутри висела рабочая куртка, на нижней полке лежали ботинки.

Пока переодевался, вошёл круглолицый мужчина в светлой ветровке. В руках — хозяйственная сумка, из которой торчал батон.

Мишка Кулешов.

Имя пришло вместе с воспоминанием: мы сидим за столом, он рассказывает что-то своей жене, а та режет хлеб и слушает с явным недоверием. Тамара.

— Живой, — сказал Мишка. — А мне уже разное рассказали.

— Всем разочарованным передай привет.

Он уселся на скамейку, сумку поставил между ботинками.

— Что врачи?

— Работать можно. Головой пока не ударяться.

— Это надолго?

— Попробую до пенсии.

Мишка засмеялся и полез в боковой карман сумки.

— Раз уж ты опять в строю. Хотел ещё до твоей больницы показать.

На ладони у него лежала сломанная чёрная ручка от кастрюльной крышки. Круглая, с широкой юбкой. Внутри поблёскивал металлический крепёж.

Я взял её и сразу вспомнил свою кастрюлю с деревянной катушкой.

— Сычёв спрашивал, — сказал Мишка. — На рынке который. Ножи точит, мясорубки чинит. Помнишь?

Усики, прищур, два негнущихся пальца на левой руке.

— Помню.

— У него крышек полно. Целые, хорошие, а брать не за что. Одни деревяшки прикручивают, другие тряпками хватают. Нужны ручки.

— Купить хочет?

— Два десятка попробовал бы. А если пойдут…

— Сколько готов заплатить?

Мишка замялся.

— Договоримся.

Я повертел сломанный кусок. Чёрная масса, металлическое крепление. Подобные детали делали горячим прессованием. Знакомая работа, хотя и давно не моя основная.

— Я тебе уже говорил, — продолжил Мишка. — Ты отмахивался.

Теперь вспомнилось и это. Прежний Логинов слушал приятеля с раздражением: опять затея, опять риск. Работа есть, зарплата идёт, чего не хватает?

Мне не хватало многих вещей. Но обещать их себе из-за одной сломанной ручки было рано.

— Принеси крышки. Разные. И целую ручку, если найдёшь. Посмотрим, как крепятся, что ломается. У Сычёва цену спроси.

— Значит, берёшься?

— Посмотреть берусь.

Мишка подался ко мне.

— На старом участке пресс стоит. Там такие вещи делали. Теперь никому не нужен.

Я убрал ручку в карман.

— Покажи.

* * *

Сначала меня перехватил сухой мужчина в промасленной куртке.

Дядя Коля. Николай Ефимович, слесарь. Он остановился возле моего верстака, посмотрел на затылок и отвёл глаза.

— Как ты?

— Нормально. Упор поменяли?

Он сразу понял, о чём речь.

— Поставили другой. Я проверил.

— Хорошо.

Я посмотрел на металлическую крышку. Теперь её удерживал новый упор. Память показала движение руки к ключу, короткий щелчок над головой. Дальше всё ещё была пустота.

Продолжать знакомство с этим местом не хотелось. Я пошёл за Мишкой.

Старый участок находился в конце пролёта, за сеткой. Внутри стояли гидравлический пресс, верстак и стеллаж с формами. Под станиной темнело масляное пятно. На манометре треснуло стекло. Снятое ограждение прислонили к стене.

Я остановился возле запертой дверцы.

Нагреваемые плиты. Вытяжной зонт. Оснастка для небольших изделий. На стеллаже лежала коробка чёрных маховичков — я разглядел один через сетку.

Уже было на что опереться. Только чужая машина не становилась исправной оттого, что я нашёл ей применение.

— Что с ним?

— Тёк, плохо грел. Потом совсем бросили. Два месяца уже.

— Кто занимался?

— У механика спросишь.

Я кивнул. Без журнала и осмотра гадать было нечего.

— Сейчас мне к Рябову надо. А ты про крышки не забудь.

— Не забуду. Тамара уже спрашивает, когда за кухню возьмусь. Я ей скажу: деньги на ремонт зарабатываю.

— Сначала узнай цену.

Мишка вздохнул, словно именно эта мелочь мешала нам стать богатыми, поднял сумку и пошёл к выходу.

Я ещё раз посмотрел на пресс.

В прежней жизни с такого оборудования начинались дела, которые потом едва не съедали меня целиком. Сейчас я это помнил. И всё-таки возле сетки стоял с удовольствием.

Затем достал из кармана пропуск, под ним нашёл сложенную бумажку с домашним адресом. На обороте записал: «Суббота, 12. Оксана».

После этого пошёл к начальнику.

* * *

Геннадий Петрович Рябов разговаривал по телефону. Увидев меня, показал на стул.

Я сел.

Начальник мастерских оказался плотным, аккуратно причёсанным мужчиной в тёмном пиджаке поверх рабочей рубашки. На пиджаке не было ни пятна. Он терпеливо выслушал человека в трубке, назвал его дорогим своим и положил трубку с таким видом, будто закрыл крышку на чём-то неприятном.

— Самочувствие?

— Работать могу.

— Бумаги принёс?

Я положил перед ним больничный. Рябов посмотрел, отодвинул.

— Упор заменили. Дядя Коля тебе говорил?

— Говорил.

— Теперь хоть внимательнее будешь.

С этим я решил не спорить. Начинать новую трудовую жизнь с объяснения начальнику, кто за что отвечает при неисправном оборудовании, хотелось, но пока было не ко времени.

— Геннадий Петрович, что со старым участком хозяйственных изделий?

Он поднял глаза.

— А что с ним?

— Пресс стоит. Ремонтировать собираются?

— Заявку сделали. Ждём.

— Можно мне посмотреть? Собрать сведения, разобраться, что надо восстановить.

Рябов откинулся на спинку стула.

— Тебе своего верстака мало?

Я положил перед ним сломанную ручку.

— Есть спрос на такие вещи. Пока небольшой. Хочу понять, можно ли здесь делать.

— Кулешов?

— Он покупателей выясняет.

Рябов повертел ручку и положил на стол.

— А ты решил выяснить, кто даст тебе государственный пресс?

— Пресс вы мне не дадите. Работу поручить можете.

Начальник прищурился.

— Красиво говорить стал. До больницы поменьше разговаривал.

— Время подумать было.

За дверью застучали каблуки. Рябов дождался, пока шаги стихнут, и подвинул к себе пепельницу.

— Допустим, участок я тебе открою. Время найду. С электриком договорюсь. Потом вы с Кулешовым чего-нибудь придумаете. А отвечать мне.

Я промолчал. Начальник явно ещё не закончил.

Он наклонился чуть ближе.

— А мне с этого что?

Глава 2

На такие вопросы лучше отвечать после того, как поймёшь, что тебе продают.

У Рябова в руках были ключ, рабочее время и возможность в любой день сказать: «Логинов, бросай это, срочно нужен палец на погрузчик». У меня пока имелась сломанная ручка, голова с пластырем и сомнительное преимущество — я знал, насколько дорого обходится привычка соглашаться сразу.

— Работающий участок, — сказал я. — Сейчас он занимает место. Будет выпускать изделия. Сколько и какие — скажу после осмотра.

— Я не про показатели спрашиваю.

— А я пока других результатов предложить не могу.

Рябов потёр большим пальцем сколотый край ручки.

— Кулешов небось уже всё посчитал.

— Сомневаюсь. Он крепление не посмотрел.

Начальник неожиданно усмехнулся.

— Это на него похоже.

— Геннадий Петрович, дайте мне два дня на осмотр. Из обычной работы не выдёргивать. Электрика — хотя бы на несколько часов. Найду, что нужно, тогда вернёмся к разговору.

— Два дня целиком не дам. У нас ремонт к концу недели. После обеда сегодня и завтра с утра. И заявку по станку найди у механика, там, может, уже всё написано.

— Если написано, быстрее закончу.

— А если не поднимешь?

— Тогда узнаете почему.

Он поморщился. За ответ, которого никто не обещал превратить в победный рапорт, начальству платить не хотелось даже рабочим временем.

— И без самодеятельности, — добавил Рябов. — Пока только осмотр.

— Пока только осмотр, — согласился я.

Выходя, я забрал со стола ручку. Он придержал её пальцем.

— Потом разговор продолжим, Витя. Не забудь.

— Не забуду.

* * *

Слесарь, начинавший ремонт пресса, оказался в отпуске. Механик — на другом конце территории, где с утра снимали редуктор. Папка с заявками нашлась у женщины, уверенной, что у неё этой папки нет и никогда не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.